

На правах рукописи

Динисламова Оксана Юрисовна

**ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
МАНСИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Новосибирск – 2022

Работа выполнена в научно-исследовательском отделе мансийской филологии и фольклористики Бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок».

Научный руководитель – главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии Бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», доктор филологических наук, доцент Соловар Валентина Николаевна.

Официальные оппоненты:

профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института иностранных языков и международного сотрудничества Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Томский государственный педагогический университет», доктор филологических наук Ким Александра Аркадьевна (г. Томск);

доцент Высшей школы языкознания и журналистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Югорский государственный университет», кандидат филологических наук Андреева Людмила Анатольевна (г. Ханты-Мансийск).

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» (г. Абакан).

Защита состоится 16 сентября 2022 г. в 10:00 на заседании Диссертационного совета Д 003.040.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: (383) 330 84 69, факс: (383) 330 15 18. Электронный адрес: dissovet_d_003.040.01@mail.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8). Полный текст диссертации доступен по адресу: https://www.philology.nsc.ru/dissovet/2022_defence.php.

Автореферат разослан «16» июля 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

О. Ю. Шагдунова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В период стремительного развития межкультурной коммуникации неисчерпаемый интерес для лингвистов представляет идиоэтнический колорит конкретного национального языка. Изучение его сквозь призму отражения национально-культурного опыта позволит понять историю народа, традиционные духовные ценности, мировоззрение. Важное значение в этой связи приобретает анализ фразеологического фонда языка как источника сведений о культуре в целом. Настоящая работа посвящена исследованию языкового образа человека в мансийской фразеологической картине мира (ФКМ) на основе сопоставления с русской в русле современной лингвоантропологии.

Необходимость проведения подобного рода изыскания обусловлена теоретической и практической необходимостью фиксации, систематизации, описания фразеологических единиц (ФЕ) мансийского языка и их сопоставления с ФЕ иной языковой системы (в данном случае русской) для выявления универсальных и специфических национальных черт языкового сознания народов.

Мансийский язык вместе с хантыйским и венгерским относится к угорской ветви финно-угорской языковой семьи. Численность манси по переписи 2002 г. составляет 11 432 человека¹, по данным переписи 2010 г. – 12 269 человек², родным языком владеют менее 1000 человек. Места расселения: Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ (частично), Ивдельский район Свердловской области, Пермская область (верховья рек Тыпыл, Вишера, Чусовая) [Диалектология мансийского языка 2012: 6]. Исторически поселения манси были расположены по берегам больших и малых рек, изолированы друг от друга либо соединены путями сообщения. Подобная территориальная разобщённость мансийского населения стала главной причиной диалектной раздробленности.

Актуальность выбранной темы обусловлена следующими причинами. Во-первых, необходимостью фиксации, сбора, систематизации и описания ФЕ мансийского языка, весьма богатого в отношении фразеологического состава, но ввиду неблагоприятной социолингвистической ситуации находящегося под угрозой исчезновения³. Во-вторых, ввиду практически полного отсутствия до нашего времени научных работ по фразеологии мансийского языка, фрагментарного характера её изучения не выработаны подходы к бо-

¹ По данным [Всероссийской переписи населения 2002 года \(perepis2002.ru\)](http://perepis2002.ru)

² По данным [Всероссийской переписи населения 2010 года \(rosstat.gov.ru\)](http://rosstat.gov.ru)

³ По данным проекта «Исчезающие языки» – Northern Mansi (endangeredlanguages.com).

лее или менее общепринятому определению и пониманию границ фразеологии и ФЕ, отсутствует единый понятийно-терминологический аппарат, открытым остаётся вопрос о соотношении паремиологии и фразеологии мансийского языка. В-третьих, сопоставительный анализ ФЕ с точки зрения определения характеристик лица в таких генетически и типологически различных системах, как мансийский и русский языки, даёт возможность исследовать проблему взаимоотношения культуры и языка, выявить в сопоставляемых ФКМ универсальное (общекультурное) и уникальное (национально-культурное), восполнить пробелы научного знания в исследованиях антропоцентрического, лингвокультурологического и лингвокогнитивного характера.

Объектом настоящей работы являются ФЕ, репрезентирующие некоторые аспекты феномена *человек* в их диалектической связи с представлениями о внутреннем и целостном в пределах феномена *язык в человеке – человек в языке*. В этой связи в качестве объекта изучения отобраны группы ФЕ, описывающих образы *доброго* и *злого* человека, умственные способности в дихотомии *глупый – умный*, а также эмоциональные чувства, испытываемые человеком в состояниях *гнева* и *страха* как наиболее ярких и экспрессивных отрицательных эмоций.

Предметом исследования являются лингвокультурные и лингвокогнитивные особенности мансийских и русских фразеологизмов, репрезентирующих языковой образ человека.

Цель данной работы – выявить инвентарь ФЕ сравниваемых языков, описывающих рассматриваемые аспекты образа человека, на основании сопоставительного анализа исследовать их в контексте лингвокультурологического и лингвокогнитивного содержания национальных картин мира.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1) выявить и систематизировать инвентарь ФЕ мансийского и русского языков рассматриваемых групп, определить их семантику;

2) представить обзор существующих подходов к изучению и описанию ФЕ в русской и финно-угорской фразеологии с целью выработки понятийно-терминологического аппарата в мансийском языке, определения места ФЕ в системе языковых знаков мансийского языка;

3) установить различные типы межъязыковой эквивалентности ФЕ мансийского и русского языков;

4) рассмотреть роль метафоризации как процесса декодирования образов, выявить модели метафорических переносов;

5) исследовать коды культуры, заключённые в образных основаниях ФЕ сопоставляемых языков;

6) выявить общекультурные и национально-культурные свойства ФЕ сравниваемых языков.

Гипотеза диссертации заключается в предположении, что 1) лингвокультурологический анализ образа человека позволяет выявить универсальные (общекультурные) и уникальные (национально-культурные) фрагменты сопоставляемых языковых картин мира (ЯКМ); 2) фразеологизмы, репрезентирующие данный образ, отображают некоторые аспекты языкового сознания и мышления этносов, структурирующихся под влиянием их социально-исторического развития (внешний фактор) и когнитивных механизмов восприятия окружающего мира (внутренний фактор); 3) формирование части фразеологизмов мансийского языка складывалось под влиянием языковых контактов, в частности, с русскоязычным населением, т. е. связано с ареалами межъязыкового взаимодействия.

Положения, выносимые на защиту:

1. Выявленный инвентарь ФЕ сопоставляемых языков, репрезентирующих рассматриваемые аспекты языкового образа человека, насчитывает 329 мансийских и 363 русских фразеологизмов.

2. Ядром фразеологии мансийского языка являются идиомы, к которым относятся фразеологические сращения и единства; фразеологические сочетания, отличающиеся друг от друга степенью семантической слитности входящих в их состав компонентов; фразеологические выражения номинативного характера. В качестве ФЕ мансийского языка рассмотрены устойчивые парные слова, устойчивые словосочетания с изобразительными словами, устойчивые сравнительные обороты.

3. Большая часть соответствий в мансийском и русском языках представлена безэквивалентными фразеологизмами (49,5 %), являющимися с точки зрения этнолингвистики и лингвокультурологии знаками национальной культуры и одними из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка. Полными эквивалентами являются всего 2 % фразеологизмов.

4. Одинаково характерным для рассматриваемых языков является метафорический перенос наименований различных объектов, явлений и предметов на человека.

5. Внутренние образы ФЕ мансийского и русского языков отражают способ мировосприятия в следующих базовых культурных кодах: а) антропного; б) биоморфного (зооморфного и фитоморфного); в) природного; г) артефактивного; д) соматического; е) временного; ж) пространственного; з) числового; и) гастрономического; к) цветового; л) мифологического; м) духовного, а также их разнообразных субкодов.

6. В сопоставляемых ФКМ наблюдается тематическое распределение ФЕ по трём обширным группам – *естественный мир*, *искусственный мир* и *мир общественный*, при этом в обоих языках отмечается преобладание ФЕ

группы *естественный мир* (77,7 % ФЕ в мансийском и 75 % ФЕ в русском). В пределах ФЕ данной группы обнаруживается преобладание *соматических* ФЕ (61,1 % мансийском и 43,9 % в русском). При этом их образы представлены как универсальным, так и уникальным набором соматических компонентов. Наиболее продуктивными в мансийском языке являются соматизмы *сым* ‘сердце’ (18,8 %), *пунк* ‘голова’ (8,8 %), *сам* ‘глаз’ (8,2 %); в русском языке – *сердце* (8,8 %), *голова* (8,5 %), *душа* (5,6 %). Повышенной продуктивностью в мансийском языке обладают ФЕ, содержащие компоненты *природного* кода культуры, в русском языке зоонимические, фитонимические ФЕ, фразеологизмы с компонентами артефактивного кода.

Научная новизна работы определяется тем, что впервые: а) в мансийском языке выявлен, систематизирован и введён в научный оборот обширный пласт фразеологизмов, описывающих различные аспекты языкового образа человека, определена их семантика; б) на основе проведённого обзора существующих подходов к изучению и описанию фразеологии в русском и финно-угорском языкознании выработан понятийно-терминологический аппарат, определено место ФЕ в системе языковых знаков мансийского языка, представлена классификация ФЕ на основании семантической слитности компонентов; в) для определения общекультурной и национально-культурной специфики мансийских и русских ФЕ произведено выделение типов межъязыковых соответствий: полных и частичных эквивалентов, фразеологических аналогов и безэквивалентных ФЕ; г) при анализе ФЕ сопоставляемых языков в русле лингвокультурологии и лингвокогнитологии рассмотрена роль метафоры в процессе декодирования образов, выявлены различные модели метафорических переносов; д) исследованы коды культуры, заключённые в образных основаниях ФЕ сравниваемых языков, представлена их система; е) в сопоставительном аспекте с применением антропоцентрического, лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов исследован языковой образ человека в языках разного строя – мансийского и русского.

Теоретико-методологической базой диссертации являются классические труды, посвящённые связи философии, языка и культуры В. Гумбольдта, А. А. Потебни, Ю. С. Степанова, Н. Д. Арутюновой, Э. Сепира; ключевые работы по общему языкознанию В. В. Виноградова, Э. Бенвениста, С. И. Ожегова, В. М. Алпатова, Б. А. Ларина, Ю. А. Гвоздарева, А. И. Ефимова; научные труды по общей фразеологии Н. М. Шанского, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, В. П. Жукова, Н. Ф. Алефиренко, А. И. Молоткова, М. М. Копыленко, З. Д. Поповой, С. Г. Гаврина, А. В. Кунина, А. И. Федорова, Л. И. Ройзензона, А. Г. Назаряна, А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского, А. М. Бабкина,

О. С. Ахмановой, В. Л. Архангельского, Н. Н. Амосовой; работы по контрастивной лингвистике И. А. Стернина, Е. Ф. Арсентьевой, В. Г. Гака, А. Д. Райхштейна, Д. О. Добровольского, Ю. А. Долгополова, Э. М. Солодухо, Ю. П. Солодуба, Л. К. Байрамовой, Н. Н. Кирилловой, А. В. Егорова; лингвокультурологические исследования В. Н. Телия, В. А. Масловой, М. Л. Ковшовой, Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, В. В. Воробьева; работы по лексической семантике А. Вежбицкой, Ю. Д. Апресяна, Д. Н. Шмелева, концептуальные и когнитивные исследования Е. С. Кубряковой, Л. Б. Никитиной, Т. В. Леонтьевой, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Б. Л. Уорфа; труды по лингвистической аксиологии В. И. Карасика, Г. А. Багаутдиновой; работы по эмотивной лингвистике В. И. Шаховского, Н. А. Красавского, Е. П. Ильина и др. Опираясь на существующую научную литературу, мы стремились представить целостную картину феномена *человек* в языковедческих изысканиях и создать характеристику его образа во фразеологии разных культурных сообществ.

Материалом для исследования в общей сложности послужили 544 фразеологизма северного наречия мансийского языка и 543 русских ФЕ, из них 329 мансийских и 363 русских ФЕ, репрезентирующих образы *доброто* и *злого* человека, умственные способности в дихотомии *глупый – умный*, а также эмоции *гнева* и *страха*.

Основой диссертационной работы является языковой материал верхнесосьвинского (пп. Няксимволь, Хулимсунт), среднесосьвинского (пп. Кимкъясуй, Сосьва), сыгвинского (ляпинского) (пп. Ломбовож, Саранпауль) говоров северного наречия, принятого за основу мансийского письменного языка. Исследуемый материал извлечён методом сплошной выборки преимущественно из картотеки автора диссертации, созданной в процессе работы с носителями языка в период 2003–2021 гг. Источниками фразеологизмов являются также мансийские фольклорные тексты А. Каннисто, Б. Мункачи, иные фольклорные и публицистические источники. Фразеологических словарей мансийского языка не существует, что объясняется отсутствием комплексных исследований в области фразеологии, недостаточной разработанностью теоретического материала, в том числе связанного с трудоёмкостью сбора языковых данных по причине немногочисленности носителей языка.

Фразеологизмы русского языка извлечены методом сплошной выборки из фразеологических, лексикографических, энциклопедических и толковых словарей А. И. Федорова, А. И. Молоткова, А. Н. Тихонова, А. К. Бириха, Р. И. Яранцева, В. П. Жукова, А. Н. Булыко, Ю. А. Ларионовой, «Ассоциативного фразеологического словаря русского языка», «Большого фразеологического словаря русского языка», «Фразеологического объяснительного

словаря русского языка» и др., а также из Национального корпуса русского языка.

Для решения поставленных задач в исследовании используются общенаучные и частнонаучные (собственно лингвистические) **методы**. Для сбора и систематизации материала используются метод опроса информантов (анкета, интервью, беседа), описательно-аналитический метод (при описании полученных результатов), количественно-статистический метод (при установлении номинативной плотности элементов). Для классификации собранного материала применяются индуктивный и дедуктивный методы, анализ, синтез, сравнение, обобщение, аналогия.

Основными лингвистическими методами исследования являются метод сплошной выборки языкового материала, метод компонентного анализа (при выявлении концептуальных признаков в значениях ФЕ), метод семантического определения (при толковании значений ФЕ), интерпретативный метод (при анализе значений ФЕ, метафор), метод лингвокультурологического анализа, сравнительно-сопоставительный метод (направленный на установление общих и специфических черт языков).

Теоретическая значимость исследования определяется тем вкладом, который оно вносит в изучение особенностей мансийской фразеологии, а также ЯКМ сопоставляемых языков, отраженной во фразеологизмах. Материалы и выводы предпринимаемой работы, наряду с подобными материалами других исследований, послужат необходимой базой для целостной реконструкции ЯКМ носителей сопоставляемых языков.

Практическая значимость заключается в том, что они могут быть использованы в прикладных целях при составлении пособий по проблемам фразеологии, учебно-методических разработок, выработке стратегии и тактики различных видов межкультурной коммуникации, в переводческой деятельности, составлении фразеологических, лексикографических, идеографических, коннотативных словарей различного типа, теоретических курсов по общему и частному языкознанию, проведении дальнейших научных сопоставительных описаний лингвокультурологического и лингвокогнитивного плана.

Апробация работы. Основные положения настоящего исследования апробированы на научно-практических конференциях регионального, всероссийского, международного уровней: «Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера» (Ханты-Мансийск, 25 ноября 2016 г.), «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации» (Ханты-Мансийск, 20 декабря 2016 г.), «Проблемы внедрения результатов инновационных разработок» (Стерлитамак, 21 сентября 2017 г.),

«I Шесталовские чтения» (Ханты-Мансийск, 20–23 сентября 2017 г.), «XVIII Югорские чтения» (Ханты-Мансийск, 28 ноября 2019 г.), «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (г. Новосибирск, 8–11 октября 2019 г.), «XIX Югорские чтения» (Ханты-Мансийск, 1 декабря 2020 г.), «II Шесталовские чтения» (Ханты-Мансийск, 20–24 июня 2021 г.), «Этнокультурное пространство Югры: опыт реализации проектов и перспективы развития» (Ханты-Мансийск, 28–29 марта 2021 г.).

Структура диссертации определена её целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект и предмет, цели и задачи исследования, формулируется гипотеза, характеризуются материалы и методы работы, обосновывается научная новизна, практическая и теоретическая значимость, приводится список теоретических работ, лежащих в основе работы, апробация исследования, а также формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Фразеология как объект лингвокультурологического и лингвокогнитивного исследования»** проводится обзор исследований фразеологизмов разносистемных языков в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах, рассматриваются антропоцентрический и аксиологический аспекты фразеологии, исследуется фразеологическая единица в системе языковых знаков, изучается понятие кода культуры и представляется их классификация.

В параграфе 1.1 **«Исследование фразеологических единиц разносистемных языков в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах»** даётся обзор научных работ по русской и финно-угорской фразеологии сопоставительного и несопоставительного характера, посвящённых лингвокультурологическому и лингвокогнитивному направлениям исследования человека, характеризуются основные направления изучения человека в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике. Отмечается, что фундаментальной в теории сопоставительного языкознания является категория *межъязыковой фразеологической эквивалентности*, в пределах которой следует рассматривать различные типы межъязыковой эквивалентности. Анализируются традиционно выделяемые типы межъязыковой эквивалентности – *полные эквиваленты* (манс. *с̄выр сым* ‘трусливый, боязливый человек (букв.: заячье сердце)’ – рус. *заячье сердце*; манс. *с̄рниң сым* ‘добрый человек (букв.: золотое сердце)’ – рус. *золотое сердце*), *частичные эквиваленты* (манс. *м̄от л̄агл̄этыл н̄ох-лю̄лис* ‘проснулся не в духе (кто-либо) (букв.:

другой ногой вверх встал)’ – рус. *вставать не с той ноги*; манс. *тѐлл аюҥкве* ‘причинять страдания (кому-либо) (букв.: кровь пить)’ – рус. *высасывать кровь*), фразеологические аналоги (манс. *тѐсам пѐсь* ‘худой, тощий, костлявый человек (букв.: высохшее бедро)’ – рус. *живой (ходячий) скелет*; манс. *вѐҥныҥ-консыҥ* ‘здоровый, коренастый мужчина (букв.: плечистый-когтистый)’ – рус. *здоров как бык*), безэквивалентные ФЕ (манс. *тот та хуи* (букв.: вон там лежит) в значении ‘ничего не получишь, не рассчитывай что-либо получить’ как насмешливо-иронический отказ дать или сделать что-либо; *мол тѐлы* (букв.: вчера зимой) – устойчивое выражение, употребляемое в качестве отвязки от разговора; *пасан пувуҥкве* (букв.: стол держать) – обычай держать край стола, когда уходят гости, чтобы хранить удачу в доме; рус. *бить баклуши, попасть впросак, как пить дать*). Описание, основанное на подобной классификации, даёт представление о совпадениях и различиях в номинационных возможностях ФЕ сопоставляемых языков.

В параграфе 1.2 «**Антропоцентрический и аксиологический аспекты фразеологии**» рассматривается общепризнанная на современном этапе развития науки о языке идея антропоцентричности, когда в качестве естественной точки отсчёта выступает человек как создатель языковых единиц в общем и ФЕ в частности, а также как творец новых речевых фразеологических форм, автор обновлённой фразеологической семантики. Аксиологический аспект фразеологии актуализируется благодаря репрезентации в ней общекультурных и национально-культурных ценностей, объективируемых аксиологическими *фразеологическими диадами*, например: а) «жизнь – смерть»: манс. *самын патыс* ‘родился (кто-либо) (букв.: на глаза попал)’; рус. *появился на свет* – манс. *ѐтимыг ѐмтыс* ‘умер (кто-либо) (букв.: ничем (никем) стал)’; *сам та пѐлн патыс* ‘умер (кто-либо) (букв.: на ту сторону глаз попал)’; рус. *испустил дух, склеил ласты*; б) «добродота – злоба»: манс. *кѐминьт сым* ‘1) добрый, уступчивый человек; 2) ранимый человек (букв.: мягкое сердце)’; *тѐврет сыстам виткве ови* ‘искренний, чистый человек (букв.: во внутренностях=его чистая водичка течёт)’; рус. *человек доброй (добрейшей) души, ангельское сердце* – манс. *кант хусап* ‘1) разгневанный, рассерженный человек; 2) злой человек (букв.: коробка со злостью)’ *тѐрыҥ вѐльт* ‘злой, жестокий человек (букв.: железное лицо)’; рус. *лютый зверь, исчадие ада*; в) «ум – глупость»: манс. *самыҥ-палиҥ* ‘умный, смышлѐнный человек (букв.: глазастый-ушастый)’; *пуҥкен тѐра паты* ‘умный, сообразительный человек (букв.: в голову=его сразу падает)’; рус. *семи пядей во лбу, острый ум* – манс. *сиськурек пуҥк* ‘глупый человек (букв.: куриная голова)’; *вѐгтѐл номтуп* ‘слабоумный, глупый человек (букв.: слабый ум имеющий)’; рус. *винтиков в голове не хватает, тупой как баобаб* и др.

Универсально мансийской и русской фразеологии присущи такие ценности, как национальные традиции и обычаи, историческое прошлое, фольклор, растительный и животный миры, повседневный быт. В мансийской ФКМ многочисленными являются лакунарные компоненты, этимологически восходящие к языческим мотивам, фольклору, мифологии, традиционным видам деятельности (охота, рыболовство, собирательство, ремесло, национальное искусство), что позволяет говорить о ценностном отношении к данным понятийным сферам в изучаемом лингвокультурном сообществе: *кантың Тāнвāрпэквā* ‘злая, сердитая женщина (букв.: злая Танварпэква)’, *тэнэ-айнэ Куль* ‘злодей, тиран, деспот (букв.: пожирающий-пьющий Куль)’, *āкань колт олы* ‘кроткий, тихий человек (букв.: в кукольном домике живёт)’ и др. В отличие от мансийской, в русской ФКМ широко представлены лакунарные единицы, связанные с православием, духовной связью с Богом, сельским хозяйством, гастрономией: *бог ума не дал, мякинная голова, иродова душа, святая душа, выжимать соки (из кого-либо)*. В одних случаях это обусловливается более длительным периодом развития определённой сферы деятельности в русском лингвокультурном сообществе, в других – национальными особенностями нравственных норм поведения в нём.

В параграфе 1.3 «**Фразеологическая единица в системе языковых знаков**» определяется понимание природы фразеологизма, обуславливающее последующий отбор конкретного фразеологического материала. Работа, выполненная в рамках синкретического понимания фразеологии, предполагает существование хотя бы одного переосмысленного компонента в составе ФЕ, в структурно-семантическом плане не представляющим изречение. Ядром фразеологии сопоставляемых языков в работе являются идиомы (фразеологические сращения и фразеологические единства), фразеологические сочетания и фразеологические выражения номинативного характера (поговорки). Фразеологические выражения коммуникативного характера, представляющие по структуре законченные предложения (ср. *Кāтын юртанынн ке тактэҕын, тōнт тулэвланын сяхныиг ул таңыртэн* ‘Протягивая руку друзьям, пальцы в кулак не сжимай’; *Номттāl сāйт āтим, кос юи-ōвлэныл пūвэлн* ‘Без ума толка нет, хоть за задний краешек (конец) ухвати’), исключены из материала исследования.

В параграфе 1.4. «**Коды культуры как средство интерпретации фразеологизмов**» рассматривается центральное для лингвокультурологической парадигмы исследования понятие *код культуры* или *культурный код*, вытекающее из представления о культуре как о семиотической системе. С этой точки зрения мир – природа, артефакты, внешние качества и внутренние свойства человека – обретают в процессе их освоения и познания семиотический смысл.

В сопоставляемых языках установлено многообразие закодированных компонентов, лежащих в основе семантики ФЕ, в виде разнообразных кодов культуры и их субкодов:

а) *антропного*: манс. *м̄атум пыг* ‘холостяк (букв.: старый мальчик (парень)’, *хоса я̄мсык* ‘человек высокого роста (букв.: длинный ямщик)’, *савың лоняхи* ‘бездельник, лентяй (букв.: ленивая развалина)’; рус. *старая дева, Фома неверующий, из грязи да в князи*;

б) *биоморфного*; манс. *с̄ас сярнэ хольт ё̄хсы* ‘врёт, изворачивается, говорит неправду (кто-либо) (букв.: как горящая береста вертится)’, *п̄акв о̄ньси* ‘беременная женщина (девушка) (букв.: шишку (кедровую) имеет)’, *(аквтоп) с̄эмыл к̄үтюв х̄айтыс* ‘неожиданно возникла неприязнь, отчуждение, недоброжелательность по отношению друг к другу (букв.: (будто) чёрная собака пробежала)’, *пити патта н̄яврам* ‘младший ребёнок в семье (букв.: гнездышка дна ребёнок)’; рус. *дрожать как осиновый лист, большая шишка, чёрная кошка пробежала, держать в ежовых рукавицах*;

в) *природного*: манс. *(аквтоп) м̄ан с̄ялты* ‘стыдится (кто-либо) (букв.: (будто) в землю зарывается)’, *супе н̄ай хольт* ‘болтун (букв.: рот=его как огонь)’, *султум хольт яласы* ‘подвижный, шустрый человек (букв.: подобно искре двигается)’, *(аквтоп) в̄отн тотыглаве* ‘пьяный человек (букв.: (будто) ветром носит=его)’; рус. *вилами по воде писано, подливать масла в огонь, сулить золотые горы, ждать у моря погоды*;

г) *артефактивного*; манс. *колыг хал лотых сунсовың э̄ква* ‘сплетница (букв.: между двумя домами санки с углём перевозящая женщина)’, *корпин хурип* ‘острый на язык человек (букв.: бруску точильному подобный)’, *лоньхатам хусап* ‘старая, дряхлая женщина (букв.: развалившаяся коробка)’, *с̄аюм н̄яра пал* ‘старая дева (букв.: половина изгнившей пары обуви)’; рус. *бездонная бочка, мешок костей, сиять как начищенный самовар, спустя рукава*;

д) *соматического*: манс. *восьраме нас п̄асги* ‘свирепствует, неистовствует (кто-либо) (букв.: желчь=его так и капает)’, *к̄атаге ӯри* ‘лентяй, бездельник (букв.: руки охраняет)’, *л̄аглыл с̄е̄прин хоюңкве* ‘мчатся сломя голову (букв.: ногами затылок задевать)’, *лю̄ньсь пуки* ‘плакса (букв.: плачущий живот)’; рус. *водит за нос, идти в ногу, кожа да кости, как бельмо на глазу*;

е) *временного*: манс. *этэ п̄ори ялуңкве* ‘делать все наоборот (букв.: ночь поперёк исходить)’, *минам х̄отал ул тинс̄элн* ‘не живи вчерашним днем; не живи прошлым (букв.: прошедший день не ищи)’; рус. *битый час, на чёрный день*;

ж) *пространственного*; *акв м̄ан патыс* ‘лежащий от старости человек (букв.: в одном месте стал (находиться))’, *сыме в̄ойт ови* ‘радостно, приятно

на душе (у кого-либо) (букв.: сердце=его по маслу течёт)'; рус. *от земли не видать (не видно), витать в облаках*;

з) *числового*: манс. *с̄а̄т кол м̄ёты* 'человек, ведущий праздный образ жизни (букв.: в семи домах метки ставит)', *акв ла̄глэ во̄нхат лю̄ли* 'престарелый, преклонных лет человек (букв.: одна нога=его в яме стоит)'; рус. *за семь вёрст киселя хлебать, одного поля ягода*;

и) *гастрономического*: манс. *то̄сам н̄ёвыль* 'худой, тощий человек (букв.: сушёное мясо)', *потрытл тыттын ут* 'болтун (букв.: разговорами кормящий некто)', *сым тальх л̄эстӯнке* 'утолить голод (букв.: кончик сердца подкормить)', *м̄унт т̄эм п̄улэ т̄ара н̄а̄нки* 'стройный, статный (человек) (букв.: недавно съеденный кусочек насквозь просвечивает)'; рус. *заварить кашу, кормить завтраками, кровь с молоком, отрезанный ломоть*;

к) *цветового*: манс. *в̄ильтэ я̄нқыг с̄ёнхатас* 'побледнел от страха (кто-либо) (букв.: лицо=его белым побледнело)', *с̄орнӣн к̄атуп* 'умелец, мастер (букв.: золотые руки имеющий)', *с̄эмыл в̄ильтуп* 'злой человек, злодей (букв.: чёрное лицо имеющий)'; рус. *красная девица, белый как скатерть, держать в чёрном теле*;

л) *мифологического*: манс. *куль хурипа* 'злой, лютый человек (букв.: кулю подобный)', *хомыл явол* '1) злодей, негодяй; 2) разъярённый, злой человек (букв.: ничтожный дьявол)' *заим.*; рус. *божий одуванчик, злой как чёрт, дьявольское отродье*;

м) *духовного*: манс. *лылытэ ат с̄алиты* 'жертвенный человек (букв.: души-дыхания (=жизни)=своей не пожалеет)', *та̄кум наск̄а̄ссыг ат с̄ёнасы* 'спокойный, добрый человек (букв.: вошь зря не раздавит)'; рус. *сделать доброе дело, вкладывать душу, чист сердцем* и др.

В большинстве случаев в пределах одной ФЕ в мансийском и русском языках наблюдается пересечение или наслаивание двух и более культурных кодов. Изучение базовых кодов позволяет утверждать наличие между ними тесных связей. Так, например, взаимосвязанными в обоих языках являются антропоморфный и зооморфный, цветовой и артефактивный, соматический и пространственный коды культуры. Параллелизм таких связей свидетельствует об универсальном характере сопоставляемых лингвокультур.

Вторая глава работы «**Сопоставительный анализ фразеологизмов, репрезентирующих образ человека в мансийской и русской ФКМ**» состоит из трёх параграфов и посвящена реконструкции одного из главных фрагментов ФКМ мансийского и русского языков – языковому образу человека, представленного фразеологизмами, репрезентирующими некоторые аспекты его *внутреннего мира* (качества характера *добрый, злой*, умственные способности в дихотомии *глупый – умный*, эмоции *гнев* и *страх*) в их диалек-

тической связи с представлениями о внутреннем, внешнем и целостном человеке.

В параграфе 2.1 «Фразеологическое представление качеств *характера человека*» исследуется национально-культурная специфика ФЕ, репрезентирующих образы *доброто* и *злото* человека в мансийском и русском языках. В ходе исследования мы основываемся на том убеждении, что представления человека о том, что есть добро и зло (независимо от его принадлежности к национальности), имеют общее ядро, содержащее некоторые базовые ценности.

В параграфе 2.1.1 «Фразеологическое представление образа *доброто* человека» корпусом исследуемого материала являются 40 ФЕ мансийского и 45 ФЕ русского языков. Существенная роль при репрезентации данного образа принадлежит соматизмам – 60 % в мансийском и 47,7 % в русском языках.

В мансийском языке при этом используются такие соматические компоненты, как *СЫМ* ‘сердце’, *ПĀЙТ* ‘щека’, *ТĪВЫР* ‘внутренности’, *СУП* ‘рот’, *НĒЛМ* ‘язык’, *ЛЫЛЫ* ‘душа-дыхание’, *КĀТ* ‘рука’, *НĀХСЯМ* ‘жабры»; рус. *душа, сердце, крыло, ладонь, плечо, рука*.

Наиболее продуктивным и частотным соматическим компонентом в обоих языках является *сердце*. Общекультурное мировидение мансийского и русского народов при репрезентации образа доброго человека выявляется посредством соматических компонентов *сердце, душа, плечо, рука*, из которых универсальным является соматизм *сердце*, являющееся *большим, чистым* и *золотым*, ср.: манс. *СĔРНИҢ СЫМ* ‘добрый человек (букв.: золотое сердце)’, *СЫМЕ СЫСТАМ* ‘искренний, чистый человек (букв.: сердце=его чистое)’, *ЯНЫГ СЫМ* ‘добрый человек (букв.: большое сердце)»; рус. *золотое сердце, чист сердцем, человек большого сердца*.

Универсальными являются лексемы *комар, трава, вода, рубашка*, лежащие в основаниях фразеологизмов при формировании образа доброго человека, например: манс. *ЛĒМВОЙ ХУРИПА* ‘скромный, застенчивый, тихий человек (букв.: комару подобный)’, *ПУМТАР НАСКĀССЫГ АТ МАНУМТЫ* ‘спокойный, добрый человек (букв.: травинку зря не сорвёт)»; рус. *комара (мухи) не обидит, тише воды и ниже травы* и др.

Доброта и кротость, вытекающие из излишней слабыхарактерности, бесхарактерности или мягкости, вызывают неодобрение и даже презрение: манс. *ВĔР СЯҢСИ* ‘слабыхарактерный человек (букв.: лесной воробушек)’, (*САЮМ*) *ХУЛЫҢ НЯҢЬ* ‘1) бесхарактерный человек; 2) медлительный, нерасторопный, вялый человек (букв.: (испорченный, тухлый) рыбный пирог)’, *СЯР НĀХСЯМ* ‘бесхарактерный человек (букв.: совсем жабры)’, *НĒВИЯМ Семан*

‘мякотелый человек (букв.: протухший (несвежий, затхлый) Семён)’; рус. *из мягкого теста, ни рыба ни мясо*.

В параграфе 2.1.2 «**Фразеологическое представление образа злого человека**» корпус исследуемого материала состоит из 56 ФЕ мансийского и 64 ФЕ русского языков. Установлено, что почти половина всех ФЕ мансийского языка (47,2 %) и 35,2 % русских ФЕ являются соматическими.

Образ злого человека представлен следующими соматическими компонентами: манс. *СЫМ* ‘сердце’, *МАЙТ* ‘печень’, *ВИЛЬТ* ‘лицо’, *САМ* ‘глаз’, *ЛАГЫЛ* ‘нога’, *ТАН* ‘сухожилие’, *ТЕЛП* ‘кровь’; рус. *сердце, душа, шкура, кишки, кровь, жилы, нога*.

Общечеловеческое мировидение при репрезентации образа злого человека выявляется посредством соматических компонентов *сердце, кровь, нога*. Наиболее продуктивным и частотным соматическим компонентом в обоих языках является *сердце*, а также *душа* в русском языке, при этом *сердце* универсально представляется *холодным, каменным и чёрным*, ср.: *ПОЛЯМ СЫМ* ‘жестокий, бессердечный человек (букв.: холодное сердце)’, *АХВТАС СЫМ* ‘бессердечный, чёрствый человек (букв.: каменное сердце)’, *СЭМЫЛ СЫМПА* ‘злой, злодей (букв.: чёрное сердце имеющий)’; рус. *холодное сердце, каменное сердце, чёрное сердце*.

В мансийском языке в отличие от русского (ср. *собачья душа, без души*) лексема *душа* не находит отражения в составе фразеологизмов, репрезентирующих образ злого человека.

Значительным числом в обоих языках представлены фразеологизмы, имеющие в составе лексем-зоонимы – 30,2 % мансийских и 35,2 % русских ФЕ, например: манс. *ТЭРЫҢ ХОМЛАХ* ‘злодей, негодяй (букв.: железный жук-стригун)’, *ТУЛМАХ ХУРИПА* ‘злой человек (букв.: росомахе подобный)’, *АМП ХОЛА* ‘негодяй (букв.: собачий мертвец)’, *ХАРМИС ХУРИПА* ‘злой человек (букв.: быку подобный)’ и др.; рус. *волчье сердце, злой (злобный) как хорёк, зверь зверем* и др. Зооморфная метафора обнаруживается в виде ФЕ с зоонимами: манс. *АКАР* ‘овчарка’, *АМП* ‘собака’, *КУТЮВ* ‘собака’, *ТУЛМАХ* ‘росомаха’, *ХАРМИС* ‘бык’, *ХОМЛАХ* ‘жук-стригун’; рус. *собака, пёс, волк (бирюк), змея (змея, змеюка, гад), гадюка, зверь, хорёк, бык, ёж*. Универсальными являются зоонимы *собака* и *бык*.

Общечеловеческое мировидение при репрезентации образа злого человека выявляется посредством лексем *камень, лёд, дьявол*, а также символики *чёрного* цвета.

В параграфе 2.2 «**Фразеологическое представление умственных способностей человека**» общий корпус мансийских фразеологизмов, репрезентирующих умственные способности человека, составляет 54 ФЕ, из них 43 репрезентирует образ глупого и 11 – образ умного человека. В русском языке

корпус исследования составляет 79 ФЕ, из которых 64 единицы являются средствами репрезентации глупого и 15 – умного человека. Ввиду небольшого числа фразеологизмов, репрезентирующих образ *умного* человека, национально-культурная специфика ФЕ рассматривается в дихотомии *глупый – умный*.

Анализ ФЕ позволяет установить, что важнейшая роль при репрезентации образов глупого и умного человека принадлежит *соматизмам* – 50,9 % в мансийском и 55,1 % в русском языках.

Образ *глупого* человека представлен в виде таких соматических компонентов, как: манс. *пу҅к* ‘голова’, *не́л* ‘нос’, *туле́выл* ‘палец’, *сам* ‘глаз’, *пуй* (*пап*) ‘зад, задница’; рус. *голова* (*башка*), *ухо*, *нос*, *глаз*, *мозги*, *лоб*. Универсальными являются соматизмы *голова*, *нос* и *глаз*, например: манс. *сись-курек пу҅к* ‘глупый человек (букв.: куриная (петушиная) голова)’, *не́лэ́ныл э́лаль ат ка́салы* ‘недальновидный, глупый человек (букв.: носа=своего дальше не видит)’, *самың аңквал* ‘глупый, тупой человек (букв.: глазастый пень)’ и др.; рус. *с головой не дружить, не видеть дальше своего носа, чурка с глазами* и др.

Образ *умного* человека представлен следующими соматизмами: манс. *пу҅к* ‘голова’, *сам* ‘глаз’, *паль* ‘ухо’; рус. *голова*, *мозг*, *лоб*. Универсальным является соматический компонент *голова*: манс. *пу҅ке руйпиты* ‘умный, сообразительный человек (букв.: голова=его работает)’ и др.; рус. *с царём в голове, золотая голова, светлая голова* и др.

Голова в обоих языках, а также лексема *мозги* в русском языке (ср. *с мозгом, хорошие мозги, куриные мозги, мозги набекрень*) являются наиболее продуктивными соматическими компонентами при репрезентации образов глупого и умного человека. В мансийском языке при репрезентации образа глупого или умного человека не зафиксировано ФЕ, имеющих в составе лексемы *вāлм* ‘мозг(и)’ и *вильтъят* ‘лоб’, т. е. данные соматизмы не используются для концептуализации качеств умственной деятельности человека. Причиной, на наш взгляд, является своеобразие мансийского менталитета: в мансийской народной культуре существует представление о том, что умственной деятельностью, прежде всего, управляет *НОМТ* ‘ум’ как совокупность способностей к мышлению, пониманию, оценке и принятию решения (ср. *вāти номтуп* ‘глупый, беспамятный человек (букв.: короткий ум имеющий)’, *тāк номт* ‘умный человек (букв.: крепкий ум)’ и др.).

Общечеловеческое мировидение при описании образа *глупого* человека выявляется посредством соматизма *голова*, являющейся *дырявой* и *пустой*: манс. *асың пу҅к* ‘1) забывчивый человек; 2) глупый человек (букв.: дырявая голова)’, *тāтыл пу҅к* ‘глупый, тупой человек (букв.: пустая голова)’; рус. *дырявая голова, пустая голова*.

Образ *умного* человека универсально представлен посредством единственного соматического компонента *голова*, являющейся *светлой*: манс. *ПОСЫҢ ПУҢК* ‘умный человек (букв.: светлая голова)’; рус. *светлая голова*.

Универсальным символом *глупости* человека выступают деревянные предметы или части деревьев, прекратившие существовать как *живое* дерево, например: манс. *ЙЙВ ПОТАЛЫ* ‘кусочек дерева (полено)’, *ЙЙВСУП* ‘бревно’, *АҢКВАЛ* ‘пень’ и др.; рус. *пень, бревно, дрова, полено, дубина, чурбан, чурка* и др.

При описании оценочной дихотомии *глупый – умный* в мансийских и русских ФЕ обнаруживается общая черта, заключающаяся в наличии в их составе так называемых *фулизмов* – лексем, носящих сниженный, бранный, ругательный характер, служащих средством репрезентации глупого человека. В мансийском языке такой лексемой является прилагательное *ОССАМ* ‘глупый’, в русском – лексемы *тупой, дурак, дурень, олух, балда, дубина, балбешка* (ср. манс. *ОССАМ Ванька* ‘бестолковый, глупый мужчина (букв.: глупый Ванька)’, *ОССАМ Руня* ‘бестолковая, глупая женщина (букв.: глупая Груня)’, *ОССАМ пāла* ‘бестолковый, глупый человек (букв.: глупая половина)’, *ОССАМ хōла* ‘бестолковый, глупый человек (букв.: глупый мертвец)’ и др.; рус. *тупой как валенок, тупой как осёл, круглый дурак, непроходимый дурень, балда осиновая, олух царя небесного* и др.).

Общекультурными являются лексемы *кураца, ветер, котёл, нос* при репрезентации образа *глупого* человека, а также лексемы *светлый* и *котёл* при описании образа *умного* человека.

В обоих языках отмечается количественная асимметрия, заключающаяся в значительном превалировании ФЕ, репрезентирующих образ глупого, нежели образ умного человека. Преобладание ФЕ с отрицательной оценкой подтверждает мысль, что процесс возникновения наименований интеллектуально неполноценных людей в обоих языковых сообществах связан с высокой степенью эмоционального всплеска по отношению к ним. Как правило, умный человек не вызывает столь ярких и сильных эмоций, как глупый, поэтому доля ФЕ с положительной оценкой наличия ума значительно меньше доли ФЕ, негативно оценивающих его отсутствие.

В параграфе 2.3 «**Эмоциональная картина мира и её фразеологическое представление в мансийском и русском языках**» находят отражение так называемые низшие базовые эмоции – *гнев* и *страх* – в широком диапазоне их интенсивности.

В параграфе 2.3.1 «**Фразеологическое представление эмоции гнев**» корпус исследуемого материала состоит из 70 ФЕ мансийского и 68 ФЕ русского языков.

Установлено, что значительная роль в обоих языках отводится соматическим ФЕ (54,3 % в мансийском и 31 % в русском языках). Особенно ярко это прослеживается при описании внешнего вида человека, находящегося в состоянии гнева.

В состав соматических фразеологизмов мансийского языка входят наименования 16 частей тела: *сам* 'глаз', *сым* 'сердце', *тѣлп* 'кровь', *вось-рам* 'желчь', *тйвыр* 'внутренности', *вйльт* 'лицо', *нѣл* 'нос', *пйтми* 'губы', *суп* 'рот', *пунок* 'зуб', *тур* 'горло', *нѣвыль* 'мясо (мышцы)', *тан* 'сухожилие', *майт* 'печень', *лагыл* 'нога', *кат* 'рука'; русского языка 12 наименований – *сердце, кровь, жилы, печень, желчь, голова, глаз, рот, зуб, рука, нога, когти*.

Наиболее продуктивными в мансийском языке являются соматизмы *сам* 'глаз', *сым* 'сердце', в русском языке – *сердце, зубы*: манс. *люль (кан-тың) самыл аңкватаңкве (сунсуңкве)* 'злобно смотреть (букв.: плохими (злыми) глазами смотреть (взглянуть)', *хърмис самыл аңкватаңкве (сунсуңкве)* 'злобно смотреть (букв.: бычьими глазами глядеть (смотреть)', *сыме тѣлпыл хулиглы* 'злится (кто-либо) (букв.: сердце=его кровью наполняется)'; рус. *накипело на сердце, кипит на сердце, скрежетать (скрипеть) зубами, скалить зубы*.

Анализ базовых моделей проявления эмоции гнева позволяет прийти к выводу, что общекультурными являются следующие представления о гневѣ:

а) *гнев – заполнитель контейнера*: манс. *кант хурыг* '1) злой, сердитый человек; 2) постоянно злой человек (букв.: мешок со злостью)'; рус. *быть вне себя от злости*;

б) *гнев – кипение*: манс. *тѣлпе нас пайтахты* 'злится (кто-либо) (букв.: кровь=его так и кипит)'; рус. *кипеть от гнева (ярости)*;

в) *гнев – пена*: *супе нѣрыл паялты* 'кричит, ругается (кто-либо) (букв.: рот=его пеной кипит)'; рус. *с пеной у рта*;

г) *гнев – взрыв*: манс. *кантыл покматаңкве* 'прийти в ярость (букв.: от злости лопаться (взрываться)'; рус. *взорваться (взрываться) как порох, лопаться от злости*;

д) *гнев – стихия (гнев – туча, гнев – гроза, гнев – огонь)*: манс. *сяхлыг кургуңкве* 'злобно ругаться (букв.: грозой греметь)', *няңра сяхыл хуриныг ѳмтыс* 'разбушевался (кто-либо) (букв.: как грозовая туча стал)', *самаге улял сѣлѳг (пѣсгѳг)* 'злобно глядит (букв.: глаза=его огнѳм вспыхивают (капают)'; рус. *метать гром и молнии, сверкать глазами, мрачнее тучи, испепелить гневом*;

е) *гнев* – *безумие, помутнение рассудка*: манс. *КАНТЭН ТИТХАЛ ТА ПАТ-ТУВЕС* ‘обезумел от ярости (кто-либо) (букв.: злость его надвое разделила)’; рус. *слететь с катушек*;

ж) *гнев* – *ослепление*: манс. *САМЫГ СЭҢКВЫЛ ХАРТВЕСЫГ* ‘в глазах помутилось (у кого-либо) (букв.: глаза=его туманом затянуло)’; рус. *быть ослеплённым от ярости*;

з) *гнев* – *желчь как горькое вещество*: манс. *ВОСЬРАМЫН КОН ТЫ ПАТЫ* ‘свирепствует, неистовствует (кто-либо) (букв.: желчь=его вот-вот наружу выпадет)’; рус. *излить (изливать) желчь*;

и) *гнев* – *противник*: манс. *КАНТЭН ТĀНАНЭ ХОСАГ НЮНСЛАВЕТ* ‘сводит от злости (кого-либо) (букв.: зло сухожилия=его в длину растягивает)’; рус. *опалиться гневом*.

Несмотря на внешнее сходство данных метафорических моделей, выявлено их значительное лексическое, а также коннотативное несоответствие.

Национально-культурное своеобразие заключается в обнаружении в мансийском языке метафорических моделей *гнев* – *нечто острое и твёрдое* (*СЫМЕ ПĒЛЯЛАВЕ* ‘становится беспокойным, нервничает (кто-либо) (букв.: сердце=его колют)’, *гнев* – *болевые / неприятные ощущения* (*ТĪВРЕТ ЛЮЛЬ* ‘заводится, сердится (кто-либо) (букв.: во внутренностях=его плохо)’, *СЫМЕ ТĒЛПЫЛ ПŪТГИ (ПŪТГАЛТАХТАС)* ‘накаляется, злится (букв.: сердце=его кровью стучит (внезапно застучало)’, *гнев* – *некая сила, сущность* (*МАТАРЫН ЁХТЫГЛАВЕ* ‘раздражается (кто-либо) (букв.: что-то к нему приходит)’, *АКВТОП НАС ХŪЙТАВЕ (ВОСГАВЕ)* ‘заводится (кто-либо) (букв.: будто его заставляют (нашёптывают)’); в русском языке моделей *гнев* – *жидкость* (*излить (изливать) гнев*), *гнев* – *нагревание* (*под горячую руку, дойти (дойти) до белого каления*), *гнев* – *опасное животное* (*показывать когти, показывать зубы*).

Общечеловеческое, универсальное мировидение при представлении эмоции гнева в мансийском и русском языках выявляется посредством: соматических компонентов *САМ* – *глаз*, *СЫМ* – *сердце*, *ТĒЛП* – *кровь*, *ВОСЬРАМ* – *желчь*, *СŪП* – *рот*, *ПУҢК* – *зуб*, *МĀЙТ* – *печень*, *КĀТ* – *рука*, *ЛĀГЫЛ* – *нога*; зоонимического компонента *ХĀРМИС* – *бык*. Несмотря на то, что в составе ФЕ русского языка, описывающих эмоцию гнева, прямо не встречается лексема *собака* или её производные, нельзя отрицать, что данный образ является общекультурным при репрезентации эмоции гнева (ср. *как с цепи сорвался*); наименования религиозно-мифологического персонажа *ЯВОЛ* (заим.) – *дьявол*; наименований явлений природы *НĒР* – *пена*, *СЯХЫЛ* – *туча*.

Национальное своеобразие языков выявляется посредством соматических компонентов: манс. *ВЙЛЬТ* ‘лицо’, *НĒЛ* ‘нос’, *ПИТЬМИ* ‘губы’, *ТУР* ‘горло’, *НĒВЫЛЬ* ‘мясо (мышцы)’, *ТĀН* ‘сухожилие’; рус. *жилы*, *голова*, *когти*, а

также лексемы *дух*; зоонимических компонентов: манс. *у́ринэ́ква* ‘ворона’, *ту́лма́х* ‘росомаха’; рус. *зверь*; наименований артефактов: манс. *ху́рыг* ‘мешок’, *хусап* ‘коробка’, *а́ны пис* ‘блюдецe’; рус. *удила, цепь, порох, крыша, бутылка, пузырь, чаша*.

В параграфе 2.3.2 «Фразеологическое представление эмоции *страх*» корпус языкового материала является приблизительно равным: 109 ФЕ в мансийском и 107 ФЕ в русском языках, что может свидетельствовать об одинаковой релевантности вербализации данной эмоции в обеих ФКМ.

Существенная роль при репрезентации эмоции страха отводится СФЕ, в частности при описании проявлений эмоции: 75,2% в мансийском и 54,2% в русском языках.

В мансийской ФКМ выявлены 24, в русской – 22 соматизма, имеющих символическую ценность для носителей языка и культуры: манс. *сы́м* ‘сердце’, *ви́льт* ‘лицо’, *ка́т* ‘рука’, *ла́гыл* ‘нога’, *тур* ‘горло’, *не́выль* ‘мясо (мышцы)’, *о́с* ‘кожа лица’, *пу́нк* ‘голова’, *а́т* ‘волосы’, *пу́нк* ‘зуб’, *сам* ‘глаз’, *алпи* ‘тело’, *ис* ‘душа’, *исхор* ‘душа-тень’, *лылы* ‘душа-дыхание’, *те́лп* ‘кровь’, *та́рс* ‘кровеносный сосуд’, *сов* ‘кожа’, *не́лм* ‘язык’, *се́при* ‘затылок’, *суп* ‘рот’, *туля* ‘палец’, *ха́нра патта* ‘пятка’, *та́н* ‘сухожилие’; рус. *сердце, нога, лицо, язык, глаза, кровь, голова, хвост, кожа, пятка, волосы, душа, плечо, спина, грудь, зоб, лоб, зуб, коленки, горло, кровеносный сосуд, сухожилие*.

В мансийском языке наиболее продуктивными являются лексемы *сы́м* ‘сердце’, *ла́гыл* ‘нога’ и *ви́льт* ‘лицо’, в русском – *сердце, нога* и *лицо*: манс. *сы́ме пилысьмал та́гиньтас* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его страхом наполнилось)’, *сы́ме тув янтвес* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его загустело)’, *сы́ме ла́гыл туле́вылн ёхтыгпалыс* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его очень близко к пальцу ноги доходило)’, *ла́глаге ёл-ханасы́г* ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги=его вниз прилипли)’, *ви́льтэ туйт хурипаг ёмтапас* ‘побледнел от страха (кто-либо) (букв.: лицо=его как снег стало)’, *ви́льтта́л патыс* ‘лица нет (у кого-либо) (от страха, потрясения) (букв.: безликим стал)’ и др.; рус. *сердце дрожит как овечий хвост, сердце ёкает, ноги стали ватными, ноги подкашиваются, краска сползает с лица, белый как мел* и др.

Общечеловеческое мировидение при представлении эмоции страха выявляется посредством соматических компонентов *сердце, нога, лицо, глаза, голова, зуб, душа, язык, волосы, горло, кровь, кожа, пятка, кровеносные сосуды, сухожилие*; лексем *заяц, осино́вый лист, земля, жар, лёд, камень, штаны*; символикой *белого* цвета, например: манс. *со́выр сы́м те́с* ‘трусливый, боязливый человек (букв.: заячье сердце съел)’, *ре́гыл пинвес* ‘испугался (кто-либо) (букв.: жаром положило)’, *исум витыл равтасавес* ‘испугался

(кто-либо) (букв.: горячей водой плеснули)', *тѣлп тѣрсанэ сома яҥкын хартумтавѣсыт* 'испугался (кто-либо) (букв.: кровеносные сосуды=его словно льдом затянуло)', *тѣлпе сома тув пѣлис* 'испугался (кто-либо) (букв.: кровь=его словно заледенела)', *аҥвтасыг овумлас* 'оцепенел, окаменел (кто-либо) (букв.: камнем обтѣк)' и др.; рус. *заячья душа, робок как заяц, душа леденеет, в жар бросает, кровь в жилах стынет, прирасти к земле от страха, окаменеть от страха* и др.

В **Заключении** формулируются основные выводы и результаты исследования.

1. Инвентарь ФЕ, описывающих рассматриваемые аспекты языкового образа человека, представлен 329 мансийскими и 363 русскими фразеологизмами (образ *доброго* человека – 40 и 45 ФЕ; образ *злого* человека – 56 и 64 ФЕ; образ *умного* человека – 11 и 15 ФЕ; образ *глупого* человека – 43 и 64 ФЕ; эмоция *гнева* – 70 и 68 ФЕ; эмоция *страха* – 109 и 107 ФЕ).

2. На основе представленного обзора существующих подходов к изучению и описанию ФЕ в русской и финно-угорской фразеологии установлено, что основными типами ФЕ являются идиомы, к которым относятся *фразеологические сращения* и *фразеологические единства*, *фразеологические сочетания*, отличающиеся друг от друга степенью семантической слитности входящих в их состав компонентов, а также *фразеологические выражения*, построенные по типу словосочетаний, т. е. номинативного характера (поговорки).

Отнесены к ФЕ мансийского языка общеизвестные *парные слова*, словосочетания с *изобразительными словами*, являющиеся устойчивыми языковыми единицами, а также *устойчивые сравнительные обороты*, обладающие ярко выраженной образностью, экспрессивностью и целостным значением.

3. В пределах категории межъязыковой фразеологической эквивалентности первый тип межъязыковых соответствий (*полные эквиваленты*) представлен небольшим количеством единиц (2 %). *Частичные эквиваленты* составляют 15,5 % от общего числа ФЕ. Значительная часть межъязыковых соответствий представлена *фразеологическими аналогами* (33 %). Наконец, большую часть соответствий составляют *безэквивалентные фразеологизмы* (49,5 %), являющиеся с точки зрения этнолингвистики и лингвокультурологии знаками национальной культуры и одними из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка.

Универсально мансийской и русской фразеологии присущи такие ценности, как национальные традиции и обычаи, историческое прошлое, фольклор, растительный, животный миры, повседневный быт.

В мансийской ФКМ многочисленными являются лакунарные компоненты, этимологически восходящие к языческим мотивам, фольклору, мифо-

логии, традиционным видам деятельности (охота, рыболовство, собирательство, ремесло, национальное искусство). В русской ФКМ широко представлены лакунарные единицы, связанные с православием, духовной связью с Богом, сельским хозяйством, гастрономией. В одних случаях это обусловливается более длительным периодом развития определённой сферы деятельности в русском лингвокультурном сообществе, в других – национальными особенностями нравственных норм поведения.

4. Результаты анализа позволяют отметить, что образные ассоциации ФЕ мансийского и русского языков преимущественно базируются на метафорическом и метонимическом переносе значений. Помимо базовых концептуальных метафор (пространственной, метафоры вместилища и др.), в сравниваемых языках выявлен многочисленный ряд образных метафорических моделей (ср. *доброта – золото, доброта – мягкость, злоба – нечистая сила, злоба – опасное животное, ум – свет, ум – кипение, глупость – пустота, глупость – твёрдость, страх – холод, страх – смерть, гнев – взрыв, гнев – стихия, гнев – ослепление* и др.). Тем не менее различия в перцепции окружающей действительности, укладе жизни, системе ценностей, особенностях мировосприятия мансийского и русского народов представлены уникальным набором лексем, формирующих переносные значения метафор.

5. Центральным для лингвокультурологической парадигмы исследования является понятие *код культуры*, или *культурный код*, вытекающее из представления о культуре как о семиотической системе. В работе продемонстрировано многообразие закодированных компонентов, лежащих в основе семантики ФЕ, в виде разнообразных кодов культуры: а) *антропного* (совокупность наименований человека в целом и представлений о нем); б) *биоморфного* (образы животных, птиц, насекомых, растений); в) *природного* (образы явлений и объектов природы); г) *артефактивного* (разнообразные предметы быта, построек, жилища, его деталей и т. п.); д) *соматического* (части тела человека); е) *временного* (представления о времени); ж) *пространственного* (представления о пространстве); з) *числового* (единицы измерения); и) *гастрономического* (явления гастрономической культуры); к) *цветового* (образы, связанные с символикой цвета); л) *мифологического* (образы религиозных и сверхъестественных представлений человека, сказочных персонажей и т. п.); м) *духовного* (нравственные ценности и эталоны), а также их разнообразных субкодов.

6. В сопоставляемых языках наблюдается тематическое распределение рассматриваемых фразеологизмов по большим группам – *естественный мир*, *искусственный мир* и *мир общественный*, при этом в обоих языках отмечается преобладание в процентном соотношении фразеологизмов группы *естественный мир* (77,7 % в мансийском и 75 % в русском), что говорит о том,

что человек репрезентирует себя во ФКМ, прежде всего, как *неотъемлемую часть природы*.

В рамках группы *естественный мир* обнаруживается преобладание *соматического* кода культуры (61,1 % в мансийском и 43,9 % в русском). Именно соматические ФЕ обладают повышенной межъязыковой фразеологической эквивалентностью, поскольку слова – названия частей тела входят в высокочастотную и исконную лексику каждого языка и обладают высокой фразообразовательной активностью.

В материалах выборки выделены наиболее продуктивные частотные соматические компоненты, образующие ФЕ: в мансийском языке – *СЫМ* ‘сердце’ (18,8 %), *ПУЊК* ‘голова’ (8,8 %) и *САМ* ‘глаз’ (8,2 %); в русском – *сердце* (8,8 %), *голова* (8,5 %) и *душа* (5,6 %).

Одним из базовых, давшим богатую систему эталонов, является *зооморфный* (анималистический) код культуры (8,8 % в мансийском и 12,5 % в русском). Значительным количеством представлен *природный* код культуры, включающий природно-стихийный и природно-ландшафтный субкоды и являющийся одним из наиболее важных в процессе организации культурных знаков из других компонентов (представлен в 12,5 % ФЕ мансийского и 8,8 % ФЕ русского языков). *Фитоморфный* код культуры представлен в 2,8 % мансийских и 3,4 % русских ФЕ.

Тематическая группа *искусственный мир* представлена 6 % ФЕ мансийского и 10 % ФЕ русского языков, группа *общественный мир* – 16,3 % ФЕ мансийского и 15 % ФЕ русского языков.

Приложения представлены списком условных сокращений, списком информантов, перечнем ФЕ мансийского и русского языков.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

а) статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях и изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов докторских и кандидатских диссертаций:

Динисламова, О. Ю. Внешний человек во фразеологической картине мира манси / О. Ю. Динисламова // Вестник угроведения. – 2016. – № 1 (24). – С. 23–29 (0,7 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Языковая репрезентация базовых эмоций ‘радость’, ‘печаль’ в мансийской языковой картине мира (на материале соматических фразеологизмов) / О. Ю. Динисламова // Вестник угроведения. – 2017. – № 2 (29). – С. 19–30 (1,2 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Языковая репрезентация базовой эмоции ‘гнев’ в мансийской фразеологической картине мира / О. Ю. Динисламова // Вестник угроведения. – 2017. – № 3 (30). – С. 28–35 (0,9 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Языковая репрезентация базовой эмоции 'страх' в мансийском языке (на материале соматических фразеологических единиц) / О. Ю. Динисламова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017. – Т. 11. – № 4. – С. 7–19 (1,1 п. л.).

б) статьи, опубликованные в научных изданиях, входящих в базу данных Web of Science:

Динисламова, О. Ю. Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии мансийского и русского языков (на примере фразеологизмов с оценкой интеллектуальных качеств человека) / О. Ю. Динисламова // Вестник угроведения. – 2018. – Т. 8. – № 2. – С. 229–248 (2,2 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Языковая репрезентация характера человека в мансийском и русском языках (на материале фразеологических единиц, характеризующих доброго человека) / О. Ю. Динисламова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – Т. 12. – № 3. – С. 6–21 (1,2 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Репрезентация внешнего вида человека в аспекте рассмотрения эстетической категории «безобразное» (на материале фразеологизмов мансийского и русского языков) / О. Ю. Динисламова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2019. – Т. 13. – № 2. – С. 343–355 (1,2 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Фразеосемантическое поле «здоровье человека» в мансийском и русском языках: сопоставительный аспект / О. Ю. Динисламова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 55–64 (1,1 п. л.).

в) статьи, опубликованные в научных изданиях, входящих в базу данных Scopus:

Динисламова, О. Ю. Языковая репрезентация роста человека в мансийской и русской фразеологических картинах мира / О. Ю. Динисламова // Вестник угроведения. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 30–39 (1 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Образ красивой женщины в мансийской и русской фразеологической картине мира / О. Ю. Динисламова, С. С. Динисламова // Вестник угроведения. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 207–222 (1,7 п. л. / 1,2 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Периодизация детского возраста в мансийской языковой картине мира: сопоставительный аспект // Вестник угроведения. – 2021. – Т. 11. – № 2. – С. 251–259 (1 п. л.).

г) статьи, опубликованные в изданиях РИНЦ:

Динисламова, О. Ю. Фразеологическая картина мира народа манси / О. Ю. Динисламова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2013. – № 2. – С. 29–34 (0,4 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Функционирование лингвокультурного концепта *сым* 'сердце' в мансийской языковой картине мира / О. Ю. Динисламова //

Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера : сб. статей по материалам научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (25 ноября 2016 г., Ханты-Мансийск). Ч. 1: Филологические исследования. – Тюмень: ФОРМАТ, 2017. – С. 106–125 (0,9 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Репрезентация эмоции 'радость' на материале соматических фразеологизмов мансийского языка / О. Ю. Динисламова // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции «Проблемы внедрения результатов инновационных разработок» (Стерлитамак, 21 сентября 2017). – Стерлитамак: АМИ, 2017. – С. 59–65 (0,4 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Особенности национально-культурных представлений о старости в мансийской и хантыйской языковых картинах мира / О. Ю. Динисламова // Предложение как единица языка и речи. Всероссийский научный симпозиум (с международным участием): Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием «Предложение как единица языка и речи», посвященного 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной (г. Новосибирск, 08–11 октября 2019 г.). – Новосибирск: Академиздат, 2019. – С. 109–112 (0,5 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в лексико-семантическом поле «Человек»: сопоставительный аспект / О. Ю. Динисламова // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – Т. 62. – Вып. 18. – С. 5–10 (0,5 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Фразеологизмы с компонентом-фитонимом в лексико-семантическом поле «Человек»: сопоставительный аспект / О. Ю. Динисламова // Научный аспект. – 2020. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 1056–1065 (0,5 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Образ старого человека в мансийском, хантыйском и русском языках: сопоставительный аспект // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы Всероссийской научно-практической конференции XVIII Югорские чтения (28 ноября 2019 г., Ханты-Мансийск). – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2020. – С. 60–70 (0,5 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Субстантивные и адъективные фразеологизмы мансийского языка (на фоне русского) // Научный аспект. – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 70–83 (0,7 п. л.).

Динисламова, О. Ю. Соматические фразеологизмы как компонент фразеологической картины мира мансийского языка (на фоне русского) // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – Т. 84. – Вып. 4. – С. 83–88 (0,5 п. л.).

д) публикации в коллективных монографиях:

Динисламова, О. Ю. Языковая репрезентация характера человека в дихотомии «добрый – злой» в мансийской и русской фразеологических картинах мира / О. Ю. Динисламова // Хантыйский мир через призму разноструктурных языков / Отв. редактор А. А. Шиянова. – Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2019. – С. 54–109 (2,8 п. л.).

е) словари:

Картинный фразеологический словарь мансийского языка / Авт.-сост. О. Ю. Динисламова; ред. манс. текста к. филол. н. М. В. Кумаева; худ. оформ. Н. А. Жеманская; Департамент образования и молодёжной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок». – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2020. – 64 с. (3,72 усл. п. л.).

Список условных сокращений

ФКМ – фразеологическая картина мира; **ЯКМ** – языковая картина мира; **ФЕ** – фразеологическая единица; **СФЕ** – соматическая фразеологическая единица; **КК** – код культуры; **СКК** – субкод культуры; **манс.** – мансийский язык; **рус.** – русский язык; **заим.** – заимствование.